
ИДЕИ И ПРАКТИКА

Л.Н. ТИМОФЕЕВА*

ПУБЛИЧНАЯ КРИТИКА КАК СРЕДСТВО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ НАСИЛИЯ В ОБЩЕСТВЕ

Аннотация. Власть часто трактуется как насилие, ответом которому выступает другое насилие со стороны оппозиции. Чем сильнее тирания власти, тем сильнее сопротивление со стороны оппозиции, вплоть до применения террора. Что выходит из такого противостояния, убедительно показали норвежский конфликтолог Й. Галтунг в своей концепции структурного и культурного насилия и американский политолог Р. Даль, исследовавший отношения власти и оппозиции через общественное соперничество.

Сегодня категорию «власть» чаще рассматривают не столько в традиционном силовом ключе, сколько в коммуникативном, дискурсном – как феномен, возникающий из общения и предполагающий выбор обществом определенных политических кодов из альтернатив, предложенных управляющей группой и возникших в результате их совместного дискурса. В этом случае такие инструменты политической коммуникации, как публичная критика и альтернативные взгляды на происходящее со стороны общественности и оппозиции, помогают избежать насилия и понять не только как возникает власть, но и почему она теряет свой авторитет и укрепляется оппозиция. Основу для такого анализа мы находим в критической теории немецких неомарксистов и, прежде всего, у представителей Франкфуртской научной школы Х. Арндт и Ю. Хабермаса, в генетическом структурализме П. Бурдьё, в теории самореферентных систем Н. Лумана, в постструктурализме у М. Фуко и др.

* Тимофеева Лидия Николаевна, доктор политических наук, профессор кафедры политологии и политического управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Москва, Россия), e-mail: timofeeva-lidiya@inbox.ru

Нежелание сотрудничать друг с другом власти и оппозиции в виде конструктивного дискурса объясняется, в частности, «фундаментализмом» в мышлении как тех, так и других. Исторический концепт-анализ российской радикальной оппозиции показывает, что ее онтогенезис настойчиво воспроизводится всякий раз, как только вырабатывается политический (идеологический) ресурс власти и общество теряет перспективу своего развития, когда власть не создает сама и не принимает альтернатив со стороны оппонентов и запрещает публичную критику.

Ключевые слова: власть; насилие; оппозиция; дискурс; фундаментализм; публичная критика; альтернативы в политике.

Для цитирования: Тимофеева Л.Н. Публичная критика как средство предупреждения насилия в обществе // Политическая наука. – 2020. – № 3. – С. 114–146. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2020.03.06>

Власть и оппозиция: возможно ли обойтись без насилия?

Мир, как известно, это отсутствие насилия. Насилие бывает разного рода: от физического до политического. Ввиду сложности этого феномена известный норвежский конфликтолог Йоханн Галтунг предложил выделить главное в нем: «Насилие имеет место, когда люди находятся под таким воздействием, что их фактически существующие соматические и духовные реализации ниже их потенциальных реализаций» [Galtung, 1975, с. 111]. Что он понимает под этим? Если смерть от туберкулеза в XVIII в. была естественной и неизбежной, то смерть от него сегодня в условиях современных достижений медицины может считаться насилием. Ситуация с пандемией, вызванной COVID-19, – сложнее. Ученые всего мира ищут вакцину и жаждут создать лекарство от этого коварного вируса. В таком случае смерть от него не может сегодня называться насилием. По мнению Галтунга, насилие – это то, что увеличивает дистанцию между потенциальным и действительным и препятствует ее сокращению. Другими словами, если потенциальное выше действительного, но этого разрыва можно было бы избежать, то, согласно его определению, мы имеем дело с насилием.

Он ввел также понятие «структурного насилия», когда социальными институтами создаются условия, не позволяющие людям удовлетворять свои основные потребности. Если при каком-нибудь социальном устройстве одни люди проживают в «умных» домах, обеспечивающих их комфортное существование, а другие ютятся в лачугах, которые рушатся при первом земном толчке и

убивают своих жильцов, то мы имеем дело со структурным насилием. Скрытые различия в стандартах жизнеобеспечения, образования, здравоохранения и т.д., поддержанные элитой, находящейся на вершине социальных структур общества, ведут к подобному насилию. При этом трудно применить к таким политикам эпитеты «насильники» или «убийцы». О них говорят как о представителях плохого управления (*bad governance*).

Примером физического насилия со стороны «убийц» служит захват террористами самолетов и таран двух башен-близнецов в Нью-Йорке, в результате которого погибли около 3 тыс. человек 11 сентября 2001 г. Галтунг назвал эти действия «преступным политическим насилием» [Galtung, 2002, p. 14] и задался вопросом не *почему*, а *кто* это сделал? Ответ был однозначным – террористы. А точнее – организация «Аль-Каида» и ее лидер Усама бен Ладен. Казалось бы, чего проще: наказать их, используя такой же метод – террора, что и было сделано чуть позже. Тем более что до сих пор известны два вида террора – «снизу», со стороны общества, и «сверху», со стороны государства. И хотя применяются эти два вида террора давно (развязанный во Франции между жирондистами и якобинцами в конце XVIII в. террор, в результате которого погибло до 40 тыс. человек; в России – «белый» и «красный» террор в начале XX в.; террор, развязанный чеченскими радикалами, и ответный шаг со стороны центра в конце XX – начале XXI в., также унесшие десятки тысяч жизней, и др.), но политическое насилие при этом не прекращается, а память о тех событиях до сих пор жива.

Терроризм – это идеология насилия и устрашения вплоть до капитуляции противной стороны и ее физического уничтожения. «Терроризм снизу» направлен против правительства или государства, представленного организациями и отдельными лицами, и имеет целью политические изменения. Государственный терроризм, или «терроризм сверху», используется против населения и стран и связан с убийствами в целях принуждения к капитуляции и подчинению. Это лейтмотив ведения современных войн: политика США в Ираке, Ливии и Сирии и т.д. Галтунг обращает внимание на то, что в кампании против Югославии в марте – июне 1990 г. пострадало на удивление мало военных объектов, в то время как число жертв среди гражданского населения было весьма значительным, помимо этого была разрушена сербская инфраструктура, фабрики, объекты энергетики, транспортная система, коммуника-

ции, школы и больницы. Это привело к капитуляции страны. Он задается вопросом: что же приводит к такому насилию? Определенный тип мышления – фундаментализм, который покоится на трех основаниях:

- дуализм – мир делится на две части, без нейтральных сторон;
- манихейство – тот, кто не примыкает к добру, примыкает к злу;

- Армагеддон – зло не подчиняется ничему, кроме насилия [Galtung, 2002, p. 16].

В качестве оправдания насилия обычно используется дилемма: ты с нами или против нас? Джордж Буш использовал фразу: «Вы либо с нами, либо с террористами», а бен Ладен делил мир на правоверных и неверных. Естественно, что тип мышления и образ действия влияют друг на друга и оправдывают дальнейшие действия. Отсюда и типы реакции на терроризм:

А – найти и наказать: действия полиции, предписанные судом, надлежащая правовая процедура;

В – найти и уничтожить: односторонние и многосторонние военные действия.

Возмездие может привести к двум типам реакции:

С – возмездие: ненависть и насилие, «дать сдачи», око за око;

Д – выход из цикла возмездия: изменение политики.

Последствия каждого из этих действий различны. Оправдывает ли насилие другой стороны ответное насилие? Большинство людей считают, что нет. Ничто не может оправдать преступлений против мира и человечности, совершаемых они сторонниками бен Ладена или США. Международный институт Гэллага после событий 2001 г. в Нью-Йорке провел опрос 14–18 сентября в 33 странах мира. Социологов интересовало: «По вашему мнению, когда личность террористов будет установлена, должно ли американское правительство предпринять нападение на страну или страны, в которых базируются террористы, или оно должно настаивать на выдаче террористов в целях их привлечения к суду?». Только граждане трех стран высказались в пользу «нападения»: Израиль – 77%; Индия – 72% и США – 54%. Подавляющее большинство высказалось в пользу «привлечения к суду»: около 80% в остальных странах (в Англии – 75%, во Франции – 67%, по всей Латинской Америке – свыше 80%) [Galtung, 2002].

Поддержкой для структурного насилия служит культурное насилие, которое используется для его легитимации. В качестве средств его оправдания применяются религия и идеология, язык искусства, доводы эмпирической и догматизированной науки. В отличие от прямого и структурного насилия культурное насилие является основополагающим принципом расширенного конфликта. Закрепленные нормы становятся убеждениями, догмой и функционируют в культуре как абсолютные истины, воспроизводятся между поколениями *без критики*, что чревато узурпацией власти и ужесточением насилия в отношении несогласных и сомневающихся.

Но как же быть с противостоянием власти и оппозиции в демократическом обществе, где между ними идет законная политическая борьба и где они периодически меняются местами? Роберт Даль рассматривает насилие в соотношении уровня и длительности давления друг на друга со стороны власти и оппозиции, принимая существование последней как один из критериев наличия современной демократии. Автор концепции полиархии¹ измеряет демократию двумя зависящими друг от друга величинами – такими как общественное соперничество через право участия в выборах и в управлении через общественные институты. Чем сильнее конфликт между правительством и оппозицией, тем вероятнее, что каждый из них будет искать возможность выключить другого из эффективного участия в политике. Но может возникнуть и другая ситуация: чем сильнее конфликт между правительством и оппозицией, тем более необходимо одному терпеть другого. Даль формулирует основные предположения как аксиомы о правительствах, терпящих своих оппонентов.

Аксиома 1. Вероятность, что правительство будет терпеть оппозицию, увеличивается, в то время как вероятные размеры терпения уменьшаются при условии, что подавление оппозиции будет стоить правительству очень дорого.

Аксиома 2. Вероятность того, что правительство будет терпеть оппозицию, повышается, в то время как масштабы подавления увеличиваются. Таким образом, вероятность появления конку-

¹ Примечание: термин «полиархия» был введен Р. Далем в 1953 г. и означает политическую систему, основанную на открытой политической конкуренции различных групп в борьбе за поддержку избирателей.

рентоспособной политической системы зависит от размеров терпения и подавления.

Аксиома 3. Чем более размер подавления превосходит размер терпения, тем больше вероятность существования конкурентоспособной системы.

Чем меньше размер терпения, тем больше шансов на стабильность (сохранность) правительства. Чем больше размер подавления, тем больше шансов на стабильность оппозиции. *Поэтому для того, чтобы была гарантирована сохранность правительства и оппозиции, нужно генерировать и сохранять широкие возможности для активного диалога оппозиции и правительства [Dahl, 1971].*

При каких условиях возможен дискурс власти и оппозиции? Знаменитая теорема Томаса гласит: *как только мы признаем ситуацию реальной, она сразу влечет за собой реальные последствия.* Это означает, что когда какое-либо социальное движение пользуется поддержкой лишь того слоя населения, целям которого оно непосредственно служит, тогда оно рискует быть признанным в качестве девиантного, предосудительного и опасного для всех остальных. Но как только его влияние распространится на другие слои населения, а также группы элиты, чьи интересы косвенным путем связаны с целями социального движения, отстаиваемая движением цель уже не будет восприниматься как опасная или предосудительная и сможет легитимно обсуждаться обществом. Даже если цель социального движения является спорной, обсуждение ее становится всеобщим.

**«Не влюбляйтесь во власть»,
но и сами не мыслите, как власть: критикуйте**

Власть как сила, применяемая в ситуации открытого конфликта и принуждения, рассматривалась Т. Гоббсом, К. Марксом, М. Вебером и другими мыслителями. Сегодня категорию «власть» чаще рассматривают не столько в традиционном силовом ключе, сколько в коммуникативном, дискурсном – как феномен, возникающий из общения и предполагающий выбор обществом определенных политических кодов из альтернатив, предложенных управляющей группой и возникших в результате их совместного дискурса. В этом случае такие инструменты политической комму-

никации, как публичная критика и альтернативные взгляды на происходящее, помогает избежать насилия и понять, не только как возникает власть, но и почему она теряет свой авторитет и укрепляется оппозиция. Основу для такого анализа мы находим в критической теории немецких неомарксистов и, прежде всего, у представителей Франкфуртской научной школы Х. Арендт и Ю. Хабермаса, в генетическом структурализме П. Бурдьё, в теории самореферентных систем Н. Лумана, в постструктуралистской позиции М. Фуко.

Х. Арендт рассматривает власть как коллективную собственность, обязательно легитимную и отличную от силы и принуждения. В основу своей модели она положила взаимовлияние и взаимозависимость людей. «Силой является то, чем в определенной степени обладает каждый человек от природы и что он действительно может назвать своим собственным; властью же в сущности не обладает никто, она возникает между людьми, когда они действуют совместно, и она исчезает, как только они снова рассеиваются» [Arendt, 1960, p. 194]. Власть возникает в момент человеческой коммуникации. Ее нельзя накопить, как силу, она нуждается в постоянной актуализации. Демократически избранный представитель должен поддерживать основу своей власти в постоянных общественных дискуссиях и в контакте со своими товарищами по политическим убеждениям. Общественное мнение является хоть и труднодоступной, но неотъемлемой основой власти, которая не сегодня, так завтра может быть утрачена [Arendt, 1986, p. 65].

Увидеть скрытую и могущественную силу внушения, осуществляемого просто через «порядок вещей», помогает концепция власти П. Бурдьё, который ввел в научный оборот понятие габитуса – системы приобретенных схем восприятия и оценивания, сложившейся на практике и позволяющей обеспечивать взаимную коммуникацию в обществе. Достаточно сформировать у индивидов представление об определенном порядке вещей в обществе, как люди начинают воспринимать мир «как само собой разумеющееся». На этом основании Бурдьё обосновал понятия символического капитала, символического насилия и символической власти [Бурдьё, 2007, с. 75, 95].

Постструктуралистская критика традиционной модели власти как структурного насилия М. Фуко дает возможность взглянуть на власть как на отношения выбора нескольких вариантов поведения, реакций и действий, ведь «рабство не есть властное отношение,

поскольку человек находится в цепях» [Foucault, 1994, p. 229]. Н. Луман также считает, что власть не лишает подвластного права выбора, она только сужает его перспективы, производит символическую генерализацию его действий [Луман, 2001]. Общество для него является примером самовоспроизводящейся (аутопойетической) и самореферентной системы. Управляет процессом передачи результатов селекции код генерализированных символов. Процесс властвования – это процесс постоянного перехода от производства неопределенности к ее устранению. Власть предлагает результаты предпринятого ею отбора и благодаря этому обладает способностью оказывать влияние на селекцию действий (или бездействия) подчиненных перед лицом других возможностей. Таким образом, если с точки зрения коммуникативного подхода власть стремится к монополии на отбор альтернатив, обладанию правом на первоочередную номинацию, определение повестки дня дискурса, то оппозиция пытается ограничить ее в этом, оспаривая эту монополию.

Власть для Фуко не негативная репрессивная сила, «она не только давит на нас, как сила, говорящая “нет”, но и производит вещи: она приносит удовольствие, дает знание, формирует дискурс» [Foucault, 1980, p. 119]. Общество без власти может быть только абстракцией; власть – неизбежная часть создания смыслов, но при этом всегда – предмет борьбы вокруг этих смыслов: «Там, где есть власть, есть и сопротивление» [Фуко, 1996, с. 195–196]. Фуко интересуют техники и технологии власти, опирающиеся на современные знания и способы их использования различными институтами для контроля над людьми. Власть – специфический механизм достижения чего-то, «это способ изменения определенных действий с помощью других действий» [Foucault, 1994, p. 227]. Философ рассматривает власть не как субъект-объектные отношения. Она не находится в чьих-то руках, не присваивается, как товар или часть богатства. Индивиды не являются безвольными и согласными на все винтиками. *Индивиды, конституированные властью, одновременно являются ее двигателем.*

Его знаменитый призыв «Не влюбляйтесь во власть!» истолковывается в отношении ее оппонентов «не мыслите, как власть». Речь идет не о зеркальном, а об адекватном ответе общества, т.е. разумных, целесообразных действиях той же оппозиции, отдающей себе отчет в том, что происходит, и в своих действиях и их

последствиях. Современный философ-неомарксист В.В. Корнев считает, что действия нынешних критиков власти, к сожалению, сродни ее же действиям и поступкам. «Если принцип морального отношения к идеологии – “не влюбляйтесь во власть!”, то принцип интеллектуальной независимости от власти можно сформулировать так: не мыслите, как власть» [Корнев, 2020, с. 31]. Иначе говоря, «не мыслите любую важную проблему в категориях господствующего дискурса, не принимайте правил интеллектуальной игры (стандарты ее хорошо видны в формате популярных ток-шоу, сводящих представителей власти и «оппонентов» в бестолковых «дискуссиях», где стороны остаются при своем, а любая проблема забалтывается)! «Не мыслить, как власть» означает не просто не занимать предназначенное безвредным противникам власти место на любой из сторон телевизионного барьера, но отвергать саму разметку социального пространства, структуру социальных ролей, господствующие слова-вирусы и понятия-паразиты. Построение критической теории власти должно начинаться не только с разбора идеологических завалов, т.е. вскрытия механизмов и приемов манипуляции общественным вниманием... но с деконструкции грамматики властного дискурса. Иначе любое разоблачение вновь будет выглядеть как выступление на ток-шоу, любая критическая публикация – как элемент пиара и необходимого власти публичного скандала. Ну а то, что сам разоблачитель будет невольно играть роль все того же персонажа-параноика из семейных триллеров и детективов – этого практически не избежать» [Корнев, 2015, с. 144]. Иначе говоря, он призывает вдумываться в смысл, содержание привычных понятий-догм и не поддаваться на провокацию в дискуссиях типа «тезис – антитезис», «белое – черное», «сам дурак» и т.д.

По существу встает вопрос о содержании политической критики. Под политической критикой часто понимают критику власти и режима, деятельность, направленную на совершенствование форм государственного устройства и управления, обновление системы политических организаций и институтов. Если она правильно усвоена теми, кому адресована, то критика способствует пересмотру ими неверных политических решений и политического курса и таким образом спасает от прямых столкновений недовольных с властью. Выливаясь в дебаты в парламентах и на телевидении, на митингах, в совместных круглых столах и научно-практических конференциях, политическая критика является обоюдоострым для

общества оружием, которое рассекает «большую социальную плоть», но одновременно лечит ее, при одном, конечно, условии: если она воспринимается другой стороной политического конфликта. Российский философ Б.В. Межуев понимает эту критику более содержательно. Разбирая наследие Вадима Цымбурского (который по профессии был филологом-античником, но внес также большой вклад в формирование российской теоретической политологии, занимаясь в том числе критикой общественных отношений), Межуев пишет: «Под этим термином я понимаю не столько критику режима, анализ тех или иных действий власти, сколько критику политической реальности с целью обнаружения в этой реальности определенного идеологического содержания, которое могло бы являться основанием для политического решения, для выбора при его принятии одной или нескольких ценностных альтернатив. Реальность всякий раз навязывает нам представление о собственной безальтернативности, понуждает описывать себя в качестве идеологически нейтрального продукта конкретных обстоятельств, “данностей”, как предпочитал говорить Цымбурский, и задача политического критика состоит в том, чтобы деконструировать, “расшить” эту реальность, отыскать в ней то, что относится к сознательной проектной деятельности людей с собственной программой, своими ценностными предпочтениями, групповыми и корпоративными интересами» [Межуев, 2012]. Как видим, он понимает задачи политической критики гораздо шире, чем совершенствование форм государственного устройства и управления, обновление системы политических организаций и институтов. Его интересует содержательная, ценностная составляющая общественного развития.

Автор весьма популярной книги о социальной критике американец Марк Уолцер полагает, что «это, по сути, работа, ведущаяся “изнутри” общества мужчинами и женщинами, приверженными этому обществу, но подвергающими сомнению его политику и практику. Это вовсе не исключает критиков-изгнанников – сочетание весьма характерное для российской истории» [Уолцер, 1999, с. 11].

О позиции критика. Одни считают, что идеальный социальный критик это скорее активный, нежели отстранившийся член общества, ведь существуют разнообразные формы участия в жизни общества (но только один способ отстраниться), которые делают работу критика столь разнообразной и богатой [Уолцер, 1999, с. 12].

Другие, например Жульен Бенда в книге «Предательство интеллектуалов», замечают, что истинный интеллектуал, выступающий социальным критиком, не должен ни под каким видом сблизиться с властью или служить ей [Benda, 1955, p. 127]. В противном случае он становится апологетом.

Получается, что социальный критик в любом случае – это публичный человек со своей ярко заявленной позицией, который интересуется не только темой общественной морали и неравенства, но и касается непосредственно политики государства.

Если обобщить эти подходы, то мы увидим, что и политическая, и социальная критика касается лучшего устройства публичной сферы¹, где был бы простор для развития личности и институтов как социальных, так и политических. В таком случае мы могли бы предложить обобщающий два эти подхода термин – «публичная критика». Это деятельность по совершенствованию государственно-общественных отношений в целом. Публичная критика содержит в себе элементы как политической, так и социальной критики. У публичной критики как деятельности обнаруживаются преобразовательная, познавательная, оценочно-ориентировочная и коммуникативная функции, которые, безусловно, способствуют развитию более широкого, панорамного взгляда и политиков, и граждан на все происходящее в стране и в мире.

Необходимо подчеркнуть, что публичная критика была и остается мощным средством общественного контроля, орудием социально-политических перемен.

Для публичной критики важно соотношение нравственной позиции критика и его идеологических воззрений, теоретических построений лучшего будущего для всех. Марк Уолцер считает, что социальная критика возможна, если она опирается на «нравственное чувство». В качестве критика он больше предпочитает видеть человека, восприимчивого к морали, хотя и не имеющего социальной критической теории, чем человека «нравственно неразвитого, но имеющего самую грандиозную теорию» [Уолцер, 1999]. Но отсюда едва ли следует тезис о том, что к концу XX в. для дела социальной критики оказывается ненужной теоретическая мысль

¹ *Примечание:* под публичной сферой понимается сфера жизни, где обсуждение общественно значимых вопросов ведет к формированию информированного общественного мнения.

вообще, к чему склоняется Уолцер, слишком далеко заходящий в противопоставлении теории и морали и в сближении первой с идеологией¹. Действительно, все рассуждения о лучшем будущем у публичных критиков и их борьбе с несправедливостью не могут не опираться на их систему ценностей и в определенном смысле идеологичны. Не случайно мы часто имеем дело с либеральной, социалистической, анархистской, феминистской и т.д. критикой.

Может ли в принципе публичная критика быть абсолютно очищенной от политической позиции ее авторов? Может ли она быть «объективистской»? Возможно ли создание чистых теорий образцового общества, лишенных идейных позиций их авторов? Спор вокруг этого продолжается. Один из убедительных аргументов в пользу идеологической «разноликости» публичной критики приводит в своей книге «Прощай, Россия!» дуайен корпуса иностранных журналистов в России Джульетто Кьеца, который написал о своей собственной негативной позиции относительно российского перехода к демократии 1990-х годов следующее: «Кому-то покажется, что эта книга слишком однобока, слишком эмоциональна, чтобы быть объективной... Я не считаю отстаиваемые мной идеи однобокими и не защищал их просто из любви к полемике. В самой книге достаточно доказательств объективности исследования, и, к счастью, они принадлежат не только мне, но и многим гораздо более авторитетным наблюдателям. Как говорил итальянский философ Пьеро Гобетти: “Когда по одну сторону нет ни капли правды, соломоново решение становится крайне тенденциозным”» [Кьеца, 1998, с. 262].

Учеными замечен еще один феномен – *цикличности публичной критики*, когда она усиливается или сворачивается до минимума. Политическая история имеет немало примеров цикличности, когда демократические периоды, характеризующиеся расширением публичной критики, сменяют автократические, фактически вводящие цензуру на критику. Чаще всего это связано с периодами кризисов и войн.

¹ *Визгин В.* Последний дюйм // Независимая газета. – 2000. – Режим доступа: http://www.ng.ru/ng_exlibris/2000-06-22/4_lastinch.html (дата посещения: 03.06.2020)

Публичная критика в условиях «заговора молчания»

Считается, что в странах с автократическим режимом, с ограниченной публичной сферой, где институт публичной критики не закреплен и постоянно подвергается запретам и ограничениям, возникает «заговор молчания», который приводит к застою, а в дальнейшем – к революционному насилию.

О «заговоре молчания» в свое время писали маркиз Астольф де Кюстин, путешествовавший по Российской империи, и Алекс Вайсберг, исследовавший доперестроечный период Советского Союза [де Кюстин, 1990, с. 93]. Как замечает американский исследователь Винсент Остром, «заговор молчания» возникает там, где «подавляются общественное мнение и способность гражданской оценки того, что происходит в обществе, не может развиваться культура исследования. Люди стремятся избежать всего, что может быть поставлено им в вину; они делают то, что им велят. Эти принципы действовали при автократии Сталина, так же как при автократии любого царя. В своих попытках перестроить советское общество Горбачев призвал к гласности, к открытости, признав важное значение открытой публичной сферы для общества, способного к самореформированию. Но обществу, в котором долгое время господствовал “заговор молчания”, трудно прийти к критическому осознанию альтернативных возможностей» [Остром, 1993, с. 251].

С таким подходом не согласна, но фактически подтверждает своей борьбой правозащитница, член Московской Хельсинкской группы Людмила Алексеева, критиковавшая режим и участвовавшая в протестном движении еще в 60-е годы XX в., находившаяся, как она говорит, в разгар «горбимании» в США. Она полагает, что если бы в СССР не было диссидентов, не согласных с политикой КПСС, не было бы внутренней критики – не только «на кухнях», но и на площадях, в распространявшейся среди демократической интеллигенции самиздатовской литературе (добавим – критики и самокритики внутри самой партии), то и не было бы и Горбачева, и самой перестройки. В одном из интервью Алексеева утверждала: «Но меня раздражало, когда спрашивали: “Как такой человек появился в такой стране?” Получалось, что это рабская страна, где люди никогда не знали о свободе и даже не думали о ней... Вот пришел Горби и, что называется, чуть ли не силой готовит страну

к свободе. Но я знала в моем поколении просто десятки, сотни людей, которые сломали свои жизни ради того, чтобы эта страна была свободной. Горби еще не родился, когда они... как-то, по-своему, работали на свободу своей страны. И только поэтому этот Горби появился! И только поэтому он и мог что-то сделать, потому что в убогие номенклатурные мозги проникла какая-то капля из того, что эти люди делали, говорили на кухне, писали в самиздате, кричали по зарубежным радиостанциям и т.д.» [Весесье, 2015, с. 12].

Значит ли это, что в Российской империи и в СССР вообще не было публичной критики, она не была институционализирована (легализована, с установленными правилами, нормами саморегуляции этой деятельности) и именно это привело к революциям в начале и в конце XX в.? Или попытки все же были, но всякий раз пресекались, что и привело, согласно Р. Далю, к укреплению оппозиции? Для ответа на этот вопрос стоит бросить короткий ретроспективный взгляд на нашу историю.

Еще Николай I объявил политику «гласности», но лишь для приближенных, для высших государственных чинов, которые должны были обсуждать возможные реформы в государстве, публичное же обсуждение пресекалось. Однако этого было достаточно, чтобы его сын Александр II пошел на реальные серьезные реформы – отмену крепостного права и послабления для печати. Уже тогда это послужило толчком для более широкого обсуждения либеральной общественностью вопроса о возможности замены Устава о цензуре законом о печати, который дал бы возможность снять цензуру и тем самым создать условия для установления правового государства, где только закон определяет границы свободы и формирует свободное общественное мнение. Но затем, из опасения разгула свободы, Александр II отменил эти послабления. К слову сказать, закон о печати так и не был принят вплоть до конца правления Романовых.

В начале XX в. также велись активные дискуссии в общественных советах, созданных с царского согласия, между сторонниками трех концепций государства: правового, полицейского и социального. Либералы отдавали предпочтение правовому государству, полагая, что сам по себе «господин закон» сможет оградить граждан от притеснений и даст возможность для развития свободы мысли. Вот почему политическая элита России считала необходи-

мым сконцентрировать свое внимание на составлении «хороших» законов, в частности принятии закона о печати, где была бы отменена политическая цензура и разрешалось бы открыто говорить о недостатках правления. Однако многочисленные и затянувшиеся попытки демократизации режима «сверху» с организацией заседаний общественных комиссий, куда приглашались лучшие университетские умы, не привели к желаемому обществом результату. Только после событий первой русской революции, вынудивших Николая II подписать Манифест 17 октября 1905 г., где первым пунктом провозглашалось: «Даровать населению незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов» [Царствование Николая II, 1960, с. 1], забрезжила надежда, но тут же и потухла. Следом за опубликованным манифестом был разослан циркуляр в адрес цензурных комитетов и губернаторов, где указывалось, что «до издания нового закона о печати все правила цензурного устава остаются в полной силе» [Ганфман, 1912, с. 50]. Историки заметили, что чем больше открывалось газет и чем больше их закрывалось по соображениям цензуры, тем отчаяннее шла борьба за гражданские свободы. Именно такая половинчатая политика приводит к стихийному прорыву «заговора молчания» — как потом во времена М.С. Горбачева, который провозгласил в 1985–1986 гг. политику гласности и тезис «разрешено все, что не запрещено законом», но цензура продолжала существовать вплоть до ее отмены в 1989 г., когда точка кипения общественного возмущения дошла до крайности и оппозиция потребовала «ускорить перестройку».

Временное правительство после Февральской революции 1917 г. решилось воплотить свободу печати на практике. 27 апреля было принято постановление о печати, где в первом пункте было заявлено, что «печать и торговля произведениями печати свободны». Таким образом, создавались условия для институционализации публичной критики с помощью свободных СМИ. Хорошо известен случай, когда на телеграмме, присланной главе Временного правительства А.Ф. Керенскому великой княгиней Марией Павловной с просьбой защитить ее от несправедливой критики и клеветы в газетах, Александр Федорович начертал резолюцию: «Пути защиты от клеветы в печати одинаковы для всех граждан — опровержения в газетах и привлечение к суду» [Тимофеева, 1992].

Но для институционализации публичной критики одной свободы печати и закона было мало, надо было еще сформулировать нравственный кодекс поведения журналистов и политиков, осуществляющих публичную критику, который бы не допускал лжи и клеветы в критике. И такие попытки были. Кадетская газета «Речь» с тревогой писала почти сто лет назад: «Наша демократия начинает страдать особой болезнью – “контрреволюционитом”, и это грозит отозваться на плодотворности нашей работы. Нужны единение и творческая работа, а не заподозрения» [Тимофеева, 1992]. Ее поддержала эсеровская газета «Дело народа». Она сформулировала несколько правил, обязательных для печатных органов различной политической ориентации.

Первое. Смакование печатью разных пикантных мелочей интимной жизни, погоня за сенсациями скандальной хроники, будет ли объектом этих своеобразных изысканий первый встречный или низвергнутый Николай II, – одинаково производят крайне неприятное впечатление и, следовательно, должны быть убраны из арсенала демократической прессы.

Второе. Еще резче следует протестовать против полемиического приема, который состоит в том, что факт присутствия в известной группе, организации, партии провокаторов и вообще агентов старого режима иные публицисты делают аргументами против программы и даже политической чистоты самой партии.

Третье. Партии должны воздержаться в своих выступлениях от требуемого существом дела обострения межпартийной полемики.

Четвертое. Выступления министров, членов партий, вошедших в состав правительства, должны быть лишены какой-либо партийно-политической окраски, они должны придерживаться той программы, которая заявлена кабинетом министров, а не своих партийных доктрин.

Пятое. Хватит искать во всем происходящем в России еврейскую и масонскую подоплеку.

Шестое. Нельзя втягивать в политическую борьбу школу, политически незрелые слои населения...¹

¹ *Примечание.* Цитаты и сноски на газеты приведены в диссертации: [Тимофеева, 1992]; см. также: Тимофеева Л.Н. Где границы свободы слова? // Народный депутат. Журнал Верховного Совета Российской Федерации. – 1993. – № 8. – С. 40–42.

Иными словами, здравомыслящие граждане выступали против огульной критики, за «ответственную свободу», но в конце концов победила революционная этика – «нравственно все, что служит упрочению власти и силы твоей партии». Временное правительство запретило всю большевистскую прессу – «Правду», кронштадтский «Голос правды», «Окопную правду» и т.д. И тут уже пошли в ход все приемы из перечисленного выше арсенала.

В условиях интервенции и Гражданской войны с победой большевиков закрепилась идея «партийности» печати, усиленная политической цензурой, вначале как жестокая необходимость, а потом – как обычная практика. В соответствии с Декретом о печати 27 октября 1917 г. было запрещено большое количество «инакомыслящих» изданий. Цензура, отмененная Временным правительством, была восстановлена. Свободу слова и печати, но для своих изданий, декларировали и антибольшевистский Комитет Учредительного собрания в Самаре («Комуч»), генералы Корнилов, Деникин, Врангель (в 1918–1919 гг.).

Известно, что один из основоположников коммунистической идеи Ф. Энгельс в последние годы жизни активно обдумывал вопрос о степени свободы партийной журналистики. У него есть такое соображение: партия должна иметь несколько газет, и среди них такую, которая бы имела возможность постоянно критиковать действия партии, чтобы она не оказалась в арьергарде [Энгельс, 1891, с. 441–442]. Видимо, при переложении этого тезиса в практическую плоскость овладевшие властью люди и желающие ее удержать, а также особенности исторического момента, связанные с иностранной интервенцией и Гражданской войной, истолковали смысл в соответствии с известным принципом «цель оправдывает средства».

Вместе с тем нельзя не заметить, что в советский период – и при В.И. Ленине и И.В. Сталине, так же как при Н.С. Хрущеве и Л. Брежневем, – допускались «критика и самокритика», но в рамках официально объявленной повестки дня и организованных политических кампаний. Понятно, что напряженность в этих условиях возрастала и находила выход за счет нелегально передаваемых из рук в руки листов «самиздата» и писем части интеллигенции «вождям Советского Союза». Теперь известно, что в конце 1960-х группа ученых и представителей творческой интеллигенции из 100 человек подписали документ в Президиум Верховного Совета

СССР, в котором ставился вопрос о том, чтобы сделать работающей статью 125 Конституции СССР, где гарантировалась законом свобода слова и печати. Академик Андрей Сахаров вместе с физиком Валентином Турчиновым и историком Роем Медведевым в своем письме к Брежневу в марте 1970 г. утверждали, что стране нужны демократические реформы. Авторы «письма трех» предлагали в качестве первого шага расширение информации о положении дел в стране и мире. Они писали: «Гласность содействует контролю общественности за законностью, справедливостью всех принимаемых решений, способствует эффективности всей системы, обуславливает научно-демократический характер системы управления, способствует прогрессу, благосостоянию и безопасности страны» [Сахаров, 1976]. Но она была провозглашена только через 15 лет.

И здесь возникает другая важная проблема: как выходить из состояния «заговора молчания» при реформировании авторитарных режимов? Неразрешенные и преследуемые критики режима, объявленные истеблишментом «изгоями» общества, – это одно, а разом разрешенная огульная критика, не ограниченная законом и моральными нормами, – это другая ситуация, опасная для удержания власти и политической стабильности. С ней столкнулись в свое время М.С. Горбачев и Б.Н. Ельцин, один из которых объявил «политику гласности», а второй – ее «ускорение»... Оба в результате своего правления «разрешили» свободу печати и критики. В силу разных причин (и этой – тоже) один потерял власть, а второй оказался на грани ее потери.

И тут «постперестроечная» власть делает шаг назад. В условиях объявленной свободы печати, слова, отсутствия официальной цензуры в России появляется проблема закрытости доступа журналистов к информации, находящейся в руках властей. Цензура перемещается из сферы контроля над содержанием СМИ в сферу контроля за предоставляемой журналистам информации. Согласно опросу, проведенному в 1996 г. под руководством председателя Комиссии по свободе доступа к информации И.М. Дзялошинского, лишь 8,9% журналистов не испытывали проблем с получением информации из органов власти. Зато три четверти журналистов постоянно встречались со сложностями в получении необходимых сведений. Обнаружилась закономерность: чем выше уровень исполнительной власти, тем выше уровень информационной закры-

тости. Прошло почти 20 лет, прежде чем вступил в силу в 2010 г. закон о доступе граждан к информации о деятельности органов государственной власти и местного самоуправления.

Следующая проблема встала во весь рост во время выборов президента в 1996 г. Неравенство в объеме материалов, представляющих разных кандидатов, а также односторонность критики: хвалебная и некритическая в пользу Б.Н. Ельцина и резко отрицательная в пользу других кандидатов. Причем количество выступлений самого президента или его команды в СМИ в несколько раз превышало объем выступлений других кандидатов. На этом основании директор Европейского Института средств массовой информации, расположенного в Дюссельдорфе (ФРГ), Петер Ланж заявил: «Отсутствия существенных процедурных нарушений недостаточно, чтобы назвать выборы свободными и честными. Поведение СМИ запятнало демократический процесс» [Къеза, 1998, с. 191–192]. Часть иностранных журналистов, наблюдавших за выборами, посчитали, что тактика президента подорвала моральную ценность его победы, как и мандата, полученного на выборах. «Москоу трибюн» писала 5 июля 1996 г.: «Подсчет голосов, может, и был честным, но сама кампания была просто комедией»¹. И далее газета указала на превышение президентом своих полномочий во время избирательной кампании относительно денег, которых, по ее мнению, было потрачено не только гораздо больше, чем смог потратить противник Б.Н. Ельцина Г.А. Зюганов, но и выше всех приемлемых границ. «А то обстоятельство, что нет никого достаточно честного, кто бы предотвращал, вскрывал и карал этот произвол, заставляет с глубоким скептицизмом взглянуть на весь избирательный процесс» [Къеза, 1998, с. 193].

Новый скандал разразился в 2011 г., когда на съезде «Единой России» накануне парламентских и президентских выборов В.В. Путин, бывший тогда премьер-министром, и Д.А. Медведев, будучи еще президентом РФ, публично заявили о предстоящей рокировке, т.е. об обмене местами. Многотысячные митинги протестов «За честные и чистые выборы!» прокатились по 15 крупным городам страны. С тех пор отношение российской элиты к выборам несколько изменилось. Кроме того, критика избирательного процесса и контроль за ним со стороны общественности за-

¹ Москоу трибюн. – 1996. – 5 июля.

ставили внести серьезные поправки в закон о партиях и выборах, а протесты москвичей по поводу не совсем вразумительной политики реновации в столице впервые привели уличную оппозицию в здание парламента, где в течение нескольких часов велись дебаты с руководством Думы и было внесено более 500 поправок в проект закона.

Таким образом, если посмотреть на возможности появления элементов публичной критики как института развития в российской исторической ретроспективе, то можно заметить произошедшие изменения в российском обществе. И хотя мы видим, что институт публичной критики в России еще до конца не сформировался, страна проделала уже большой путь к этому. Необходимо не только закрепить в законах и моральных кодексах право на честную и корректную публичную критику, но и сделать ее естественной и повседневной практикой. Кроме того, важно закрепить практику реагирования правящей элиты на критические замечания активной общественности. Сегодня уже можно услышать из уст президента В.В. Путина такое высказывание в обращении к народу по поводу пенсионной реформы, которую многие встретили критически: «Повторю, изменения в пенсионной системе, тем более связанные с повышением возраста выхода на пенсию, волнуют, тревожат людей. И естественно, что все политические силы, прежде всего, конечно, оппозиционные, будут использовать эту ситуацию для саморекламы и укрепления своих позиций. Это неизбежные издержки политического процесса в любом демократическом обществе. Тем не менее я просил Правительство самым серьезным образом изучить и использовать все прозвучавшие конструктивные предложения, в том числе и от оппозиции»¹. Но критика закона продолжилась. Позже появилась информация о принятии в первом чтении нового пакета закона о снижении пенсионного возраста (женщин до 55, мужчин до 60 лет), но он будет касаться негосударственных пенсионных фондов.

Итак, публичная критика как легальный институт при тоталитарных и авторитарных режимах возможна только в пределах разрешенных тем и повестки дня и только для «доверенных лиц», и потому подпольно раздается из уст диссидентов в самиздате или

¹ Обращение Президента к гражданам России. 28 августа 2018 года. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/58405> (дата посещения: 28.08.2018)

тамиздате. Этим и опасна вдруг открывшаяся возможность публичной критики во время внезапно объявленных реформ в условиях многолетнего «заговора молчания». Свои проблемы возникают с публичной критикой и в демократических режимах, чреватых забалтыванием важных для общества проблем.

«Критикуй и обращай внимание на критику других»

Считается, что публичная критика легализована и общедоступна в демократических обществах, где можно говорить практически на любые темы. «Не всегда легко вынести громкие жалобы и бесконечные вопли своих сограждан. Но демократия требует большего, чем просто терпимости. Демократическое правление таково: критикуй и обращай внимание на критику других», – считает Майкл Уолцер [Уолцер, 1999, 13].

В условиях демократии, в отличие от тоталитаризма и авторитаризма, возникает другая проблема: как из шумной многоголосоицы, «критического шума» выбрать нужную информацию для выхода из сложной ситуации. Мозг способен заниматься решением только одной сложной задачи. Человеку трудно использовать свои познавательные способности критически и в то же время конструктивно, когда множество людей пытаются привлечь его внимание, когда все стремятся высказаться и нет времени для размышлений.

В этом случае должен сработать именно институт публичной критики, если он сформирован и давно устоялся. Напомним, что институты трактуются как нормы и правила поведения в деятельности, состоящие из формальных (конституции, нормативных законов) и неформальных правил (конвенций, моральных и социальных норм) [North, 1990, с. 27]. Такие правила инстинктивно структурируют общество, определяют, по каким правилам идет игра, т.е. строят порядок общественных взаимоотношений. Большое значение при формировании института критики имеет субъект критики и его положение в обществе, а также общедоступные каналы критики и ее конвенциональные нормы. Среди субъектов критики: интеллигенция (часть элиты, занимающаяся умственной деятельностью и критикующая правящую элиту), политическая

оппозиция (параллельное или альтернативное правительство для части общества), журналисты качественных или оппозиционных СМИ.

М. Уолцер главной проблемой для социальной критики не без веских оснований считает установление оптимальной дистанции между критиком с характерным для него концептуальным аппаратом, в котором не могут не отражаться его пристрастия, и теми, к кому его критика обращена. В связи с этим, на наш взгляд, важно выделить правовые, этические и политические основания деятельности политической оппозиции, позволяющие институционализировать ее деятельность и одновременно ограничить «параноидальные», негативные для общества последствия.

Правовые основания и ограничения деятельности оппозиции связаны с политическими свободами, завоеванными народами в буржуазных революциях XVII–XVIII вв., когда было сформулировано право граждан на сопротивление самоуправной власти, а чуть позже обозначены пределы ее деятельности, угрожающие суверенитету, территориальной целостности, республиканской форме правления, демократическому устройству государства и т.д. и т.п. И это должно быть отражено в законах страны.

Этические основания и ограничения деятельности оппозиции определяются правом человека на достойную жизнь и принципом социальной справедливости как моральным базисом демократии, который постоянно обсуждается между властью и оппозицией. В зависимости от приоритета критериев целого и индивидуального выделяют справедливость коммунитаристскую, либеральную, либертатную и т.д. Инструментом борьбы за социальную справедливость выступает гражданское неповиновение, а политическая оппозиция является одним из субъектов этого широкого социального действия. Критерием ограничения действий оппозиции в этическом ключе может выступать легальное насилие и кодекс политической этики.

Политические основания деятельности оппозиции связаны с правом граждан на конвенциональное политическое участие и запрет, пресечение неконвенциональных форм участия. Здесь критерием возможности / невозможности применения той или иной формы участия является захват власти, присвоение властных полномочий, изменение политического строя. Все три основания деятельности политической оппозиции тесно связаны друг с другом [Тимофеева, 2005].

Где мы можем увидеть это на практике хотя бы в первом приближении? Обратимся к опыту Великобритании, которая положила начало институционализации оппозиции и публичной критики с ее стороны. Еще в XVIII в. один из первых теоретиков оппозиции англичанин лорд Болингброк обосновал конституционный принцип, который определял сферу ее лояльной деятельности. Смысл этого принципа заключается в обеспечении баланса власти, контроля и критики со стороны оппозиции действий правительства, внесении предложений, направленных на реформирование государственно-правовых институтов. Процедура распределения функций в парламенте между правительственной партией и оппозиционной партией в современной Великобритании происходит так. Партия, получившая большинство мест, – но не обязательно большинство голосов, – на всеобщих выборах или имеющая поддержку большинства членов палаты общин, как правило, формирует правительство. По традиции монарх обращается с просьбой к лидеру партии большинства сформировать правительство. Около 100 ее членов в палате общин и палате лордов получают должности министров, в том числе и назначение в кабинет министров по представлению премьер-министра.

Самая многочисленная партия меньшинства становится официальной оппозицией со своим лидером и «теневым кабинетом». Лидеры правительства и оппозиции пользуются одинаковым почетом и располагаются на передних скамьях по обе стороны палаты общин, а позади них помещаются их сторонники – рядовые члены парламента, или «заднескамеечники». Подобным же образом располагаются партии и в палате лордов с некоторыми исключениями.

Эффективность существующей партийной системы в парламенте в значительной степени обусловлена взаимоотношениями, сложившимися между правительством и оппозиционными партиями. В зависимости от расклада сил между партиями в палате общин оппозиция может попытаться свергнуть правительство, нанеся ему поражение при голосовании по вопросу доверия. Однако *обычные цели британской политической оппозиции таковы:*

а) содействовать формированию политического курса и осуществлению законодательной власти с помощью конструктивной критики;

б) выступать против тех предложений правительства, которые она считает сомнительными; добиваться внесения поправок в правительственные законопроекты;

в) предлагать свою собственную политическую линию, с тем чтобы улучшить свои шансы на победу на следующих всеобщих выборах.

Оппозиция выполняет свою роль, участвуя в дебатах по различным вопросам, а также внося свои предложения на обсуждение в обеих палатах и действуя через систему парламентских комитетов.

Повестка дня правительства определяется – под руководством премьер-министра и лидеров обеих палат – главным парламентским организатором правительственной партии по согласованию с главным парламентским организатором оппозиционной партии. Главные организаторы правительственной и оппозиционной партий («кнуты») представляют «обычные» каналы, к которым часто прибегают в тех случаях, когда необходимо найти время для обсуждения какого-либо конкретного пункта повестки дня. Лидеры обеих палат обязаны дать возможность членам палат обсудить интересующие их вопросы. Кстати, лидеры оппозиционных партий в Великобритании входят в состав Тайного совета, его главная функция – консультировать королеву по вопросу утверждения «королевских указов в совете», которые, согласно парламентским законам, устанавливают подзаконные нормативные акты, затрагивающие широкий круг вопросов – от конституций зависимых территорий до глобального загрязнения окружающей среды.

Оппозиция осуществляет контроль за политикой правительства. Такая возможность есть у нее при работе в парламентских комитетах; на «Часе вопросов» по понедельникам, вторникам, средам, четвергам, когда министры отвечают на вопросы парламентариев или когда по средам выступает премьер-министр¹; в дебатах во время перерыва между заседаниями; во время так называемых утренних предложений, когда каждый из них имеет право выразить свое мнение по актуальному вопросу; наконец, в течение «20 дней оппозиции» во время каждой сессии, когда оппозиция имеет право выбирать темы для обсуждения. Процедурные возможности кри-

¹ Парламентарии имеют право обратиться с вопросами, на которые надлежит дать ответ в письменной форме. Вопросы и ответы публикуются в справочнике «Хансард». Обычно каждый год поступает около 50 тыс. вопросов.

тики правительства возникают также во время обсуждения речи королевы, с которой она обращается к парламенту в начале каждой сессии; во время дебатов по предложению о вынесении вотума недоверия, на которые правительство специально отводит время, и во время обсуждения законодательных и других предложений, внесенных правительством.

Ежегодная финансовая поддержка из государственных фондов позволяет оппозиционным партиям выполнять свои парламентские обязанности в Вестминстере. Она оказывается только тем партиям, от которых, по крайней мере, два кандидата были избраны на предыдущих всеобщих выборах или избран один кандидат при минимум 150 тыс. проголосовавших. Каждое полученное место в парламенте оценивается в 3743 фунта стерлингов плюс 7,48 фунта стерлингов на каждые 200 поданных голосов [Система государственного управления в Великобритании, 2002, с. 9].

Именно в Великобритании начался процесс юридического признания политической оппозиции, когда закон о министрах короны 1937 г. установил ежегодное жалование лидеру «официальной оппозиции» [Очерки парламентского права, 1993, с. 18]. В 1975 г. в Акте о жаловании министрам и другим лицам в ст. 2 было четко сформулировано понятие «лидер оппозиции». Указанная статья гласит: «В настоящем акте выражение “лидер оппозиции” означает в той или другой Палате парламента члена этой Палаты, который в данное время является в ней лидером партии, находящейся в оппозиции к правительству Ее Величества, имеющей наибольшую цифровую численность в Палате общин» [Очерки парламентского права, 1993, с. 18]. Именно лидер оппозиции назначает члена палаты общин, который наряду со спикером, лидером палаты общин и тремя другими членами палаты общин, назначаемыми этой палатой не из числа лиц, являющихся министрами Короны, входит в Комитет палаты общин, конституирующий весь персонал служб палаты и устанавливающий их численность, вознаграждение и статус их службы. *Лидер оппозиции в британском парламенте утверждается главой государства.*

Аналогичные положения предусматривают и законодательства большинства стран Британского Содружества (Австралия, Индия, Малайзия, Канада и др.). В некоторых из них положение о лидере оппозиции, порядке назначения и правах включается в Основной закон (Папуа – Новая Гвинея, Сейшельские острова,

Фиджи). К примеру, ст. 84 Конституции Сейшельских островов 1993 г. определяет порядок выборов и смещения лидера оппозиции и устанавливает, что его жалование и пособия не могут быть менее жалования и пособий министра и выплачиваются из консолидированного фонда.

Мировая практика законодательного регулирования оппозиционной деятельности приравнивает оппозицию к параллельному правительству и признает ее равноправие по отношению к закону. В странах, где понимают важность парламентской оппозиции для защиты прав человека, она целиком финансируется государством. В ФРГ, например, согласно закону 1994 г., каждая фракция, которая не поддерживает правительство, получает дополнительную (оппозиционную) надбавку. В Швеции фракции оппозиции получают за каждый депутатский мандат в два раза больше, чем фракции правительственного большинства. Таким образом государство предоставляет оппозиционным партиям дополнительную материальную гарантию, обеспечивающую их плодотворную парламентскую деятельность.

Парламентской оппозиции гарантируется право получения официальной документации и необходимой информации. Права парламентской оппозиции гарантированы правом обращения определенной части депутатов в конституционные суды (в Конституции РФ это право зафиксировано в ст. 125, ч. 2). Но это лишь маленькая толика, подтверждающая права российской оппозиции, которая имеет лишь дисперсную легитимность, рассыпанную по отдельным законам [Тимофеева, 2005]. Сначала оппозиционеры – фракция КПРФ, потом фракция «Яблоко» вносили проект закона о правовых основах деятельности оппозиции, но он так и не был принят. Затем фракция «Справедливая Россия» предложила законопроект о Федеральном собрании, где были бы прописаны права фракции не только большинства, но и меньшинства, чтобы у первых не «возникло желания совсем зажать оппозицию. Понятно, что фильтр “ЕР” проект не прошел»¹. Как сказал лидер фракции С. Миронов, «В том, что сегодня нам позволено высказываться и наше мнение учитывается – в этом личная заслуга Володина. Будь

¹ Сергей Миронов о внесении поправок в Конституцию // Сайт партии «Справедливая Россия». – 2020. – Март. – Режим доступа: <https://spravedlivo.ru/10188510> (дата посещения: 15.05.2020)

на его месте кто-то другой, мы бы имели иной расклад внутри Думы. Но разве это правильно?»¹. Понятно, что парламентская оппозиция в условиях демократического государства борется за власть легальным путем, исключая насильственные действия, но почему ее действия не закрепить юридически, как это сделано в других странах?

В качестве проводника публичной критики выступают так называемые качественные СМИ – как площадка для объективной критики и издания оппозиционных партий, представляющих ту или иную идеологическую картину мира. Как пишет Я.Н. Засурский, много лет возглавлявший факультет журналистики МГУ, «для любителей серьезной журналистики существуют дорогие газеты – их называют качественными – такие как английская “Таймс”, “Нью-Йорк таймс” и “Вашингтон пост” в США, “Франкфуртер альгемайне цайтунг” в Германии, “Монд” во Франции» [Засурский, 2015, 6]. Для нее, как правило, характерно всестороннее и объективное освещение событий, тщательная проверка достоверности фактов. Это площадка и для широкой публичной критики как внешней, так и внутренней политики страны.

Но оказывается, что эта площадка не лишена недостатков, связанных с общими проблемами отношений между властью и крупным бизнесом, этикой журналистского творчества, нередко скрывающего стремление к сенсационности или к материальному интересу. Не случайно Евросоюз в последние годы озаботился ответственностью СМИ перед обществом, развернуты разного уровня международные дискурсы по поводу содержания и соблюдения этических норм, которые для качественной прессы многих стран возведены в профессионально-этические стандарты. Комитет по свободе прессы при ЕС предложил создать национальные медиарегуляторы для 27 стран – членов Евросоюза, которые должен контролировать единый специальный орган ЕС. И это неслучайно. СМИ часто обслуживают те или иные политические или бизнес-элиты, забыв об обязанности журналистов стремиться к объективному и достоверному освещению фактов и публичной критике недостатков. Об этом книга Удо Ульфкотте, редактора «Франкфур-

¹ Сергей Миронов о внесении поправок в Конституцию // Сайт партии «Справедливая Россия». – 2020. – Март. – Режим доступа: <https://spravedlivo.ru/10188510> (дата посещения: 15.05.2020)

тер альгемайне цайтунг» с 1986 по 2003 г. «Продажные журналисты. Любая правда за ваши деньги». Он подробно описывает неприглядные факты и констатирует: «Все названные в этой книге поименно люди отрицают свою отдающую коррупцией подозрительную близость к организациям правящей элиты. Вдобавок они отрицают, что являются лоббистами. Они также отрицают свою “корруптированность” вследствие их описанной близости к правящей элите. И они отрицают, что, будучи журналистами, близкими к вышеупомянутым группам, утратили обязательную для журналиста профессиональную хватку» [Ульфкотте, 2015, с. 407]. На взгляд автора, журналистика должна служить следующему: «...простые люди должны узнать правду, чтобы получить возможность сопротивляться» [Ульфкотте, 2015, с. 419].

Итак, как правило, субъектом публичной критики выступает критически мыслящая интеллигенция, лидеры политической оппозиции, журналисты качественных или оппозиционных СМИ. Ее объектом становятся нерешенные или плохо решаемые властью социальные, экономические и политические проблемы. Цель публичной критики – поддерживать власть в состоянии постоянной и вдумчивой работы над образом лучшего будущего и исправлением собственных ошибок.

Вывод

Социальный мир вырастает из актуальной публичной критики, предлагающей альтернативы общественного развития. «Фундаментализм» в мышлении как власти, так и оппозиции ведет в конечном плане к войне – насилию и террору. Деятельность «партии критиков» означает, с одной стороны, эскалацию публичных конфликтов в обществе, с другой – одновременно и их легитимацию, институционализацию, структуризацию и решение, что способствует созданию постоянно действующего института публичной критики, который помогает искать наилучшие пути разрешения проблем. Этому служат последовательно сменяющие друг друга конфликтный дискурс и дискурс согласований, составляющие сердцевину государственно-общественного или публичного дискурса о лучшем настоящем и будущем. Для этого необходимо определить четкие политические, этические и правовые основания

деятельности «альтернативного правительства» – конструктивной оппозиции.

Современная российская политология воспринимает власть и как влияние особого рода, и как способность к достижению определенных целей, и как возможность использования тех или иных средств, и как особое отношение между управляющими и управляемыми через дискурс. В свое время М.В. Ильин и А.Ю. Мельвиль определили власть как совокупность трех измерений: 1) директивный аспект – власть трактуется как господство, обеспечивающее выполнение приказа, директивы; б) функциональный аспект – понимание власти как способности и умения реализовать функцию общественного управления; 3) коммуникативный аспект, связанный с тем, что власть так или иначе реализуется через определенный язык, понятный обеим сторонам общественного отношения власти [Ильин, Мельвиль, 1997]. С точки зрения коммуникативного подхода власть всегда стремится к монополии на информацию, обладанию правом на первоочередную номинацию, определение повестки дня дискурса, а оппозиция пытается ограничить ее в этом, оспаривая эту монополию с помощью публичной критики и предложения альтернативных путей решения проблем, тем самым снижая градус насилия в обществе. Важно, чтобы эти процессы проходили в строго определенных институциональных рамках.

Список литературы

- Бурдые П.* Социология социального пространства / пер. с франц.; отв. ред. переводка Н.А. Шматко. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. – 288 с.
- Вессье С.* За вашу и нашу свободу! Диссидентское движение в России / пер. с франц. Е. Баевской, Н. Кисловой, Н. Мавлевич. – М.: Новое литературное обозрение, 2015. – 576 с.
- Ганфман Я.М.* Явочный период свободы столичной печати // Свобода печати при обновленном строе. – Санкт-Петербург: тип. т-ва «Обществ. Польза», 1912. – С. 50–51.
- де Кюстин А.* Николаевская Россия: пер. с фр. – М.: Изд. центр «Терра», 1990. – 285 с.
- Засурский Я.Н.* Качественная пресса в медийных структурах. – М.: Изд-во ИКАР, 2015. – 344 с.
- Ильин М.В., Мельвиль А.Ю.* Власть // Полис. Политические исследования. – 1997. – № 6. – С. 146–153.

- Корнев В.В.* Эгоистичный ген идеологии // Идеи и идеалы. – 2015. – Т. 2, № 3 (25). – С. 140–149.
- Корнев В.В.* Эгоистичный мем идеологии. – М.: Канон+РООИ «Реабилитация», 2020. – 264 с.
- Кьеза Дж.* «Прощай, Россия!» / пер с итал. Э. Двин, А. Зафесовой. – М.: ТОО «Гейя», 1998. – 271 с.
- Луман Н.* Власть / пер. с нем. А.Ю. Автоновского. – М.: Праксис, 2001. – 256 с.
- Межуев Б.В.* Политическая критика Вадима Цымбурского. – М.: Издательство «Европа», 2012. – 199 с.
- Остром В.* Смысл американского федерализма. Что такое самоуправляющееся общество / пер. с англ., общая ред. и предисловие А.В. Оболенского. – М.: Арена, 1993. – 320 с.
- Очерки парламентского права. Зарубежный опыт / Рос. АН, Ин-т государства и права; под ред. и с предисл. Б.Н. Топорнина. – М.: ИГПАН, 1993. – 178 с.
- Сахаров А.Д.* О стране и мире. – Нью-Йорк: Хроника, 1976. – 79 с.
- Система государственного управления в Великобритании. – М.: МИД Великобритании, 2002. – 120 с.
- Тимофеева Л.Н.* Альтернативная печать как феномен качественных изменений в политическом процессе России (середина 80-х – начало 90-х): дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02. – М.: РАГС, 1992. – 224 с.
- Тимофеева Л.Н.* Власть и оппозиция в России: особенности отношений (социально-исторический аспект) // Социология власти. – 2005. – № 1. – С. 140–154.
- Ульфкотте У.* Продажные журналисты. Любая правда за ваши деньги: пер. с нем. – М.: Эксмо, 2015. – 476 с.
- Фуко М.* Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности / пер. с фр. С. Табачниковой. – М.: Касталь, 1996. – 448 с.
- Уолцер М.* Компания критиков. Социальная критика и политические пристрастия XX века: пер. с англ. – М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999. – 360 с.
- Царствование Николая II. – Л.: Издательский дом: Издательство социально-экономической литературы, 1960. – Т. 2: Витте С.Ю. Воспоминания. – 724 с.
- Энгельс Ф.* Письмо Августу Бебелю в Берлин, 1–2 мая 1891 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. – 2-е изд. в 50 т. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1955–1981. – Т. 38. – С. 441–444.
- Arendt H.* Vita Activa oder: Vom tatigen Leben. – Stuttgart: W. Kohlhammer, 1960. – 375 S.
- Arendt H.* Communicative power // Power / S. Lukes (ed). – Oxford: Blackwell, 1986. – P. 59–74.
- Benda J.* The Betrayal of intellectuals / Trans. Aldington R. – Boston: Beacon Press, 1955. – 188 p.
- Dahl R.* Polyarchy: participation and opposition. – New Haven: Yale University Press, 1971. – 257 p.
- Galtung J.* Peace: research – education – action: Essays in peace research. – Copenhagen: Christian Ejlertsen, 1975. – Vol. 1. – 404 p.

- Galtung J.* September 11, 2001: Diagnoz, prognosis, therapy (forming the second edition of «Searching for peace: the road to TRANSCEND»). – London: Pluto Press, 2002. – 338 p.
- North D.C.* Institutions, institutional change and economic performance. – Cambridge: Cambridge University Press, 1990. – 152 c.
- Foucault M.* Truth and power // Foucault M. Power/knowledge: selected interviews and other writings, 1972–1977. – New York: Pantheon Books, 1980. – P. 109–134.
- Foucault M.* The Subject and power // Power: critical concepts / J. Scott (ed). – London: Routledge, 1994. – Vol. 1. – P. 218–233.

L.N. Timofeeva*

Public criticism as an instrument of prevention of violence in society

Abstract. Power is often interpreted as a violence, which is answered by other violence on the part of the opposition. The stronger the tyranny of the government, the stronger the resistance from the opposition, even to the use of terror. The Norwegian conflictologist J. Galtung in his concept of structural and cultural violence and the American political scientist R. Galtung have convincingly shown what comes out of such a confrontation. Dahl, who explored the relationship between the government and the opposition through public rivalry. Today often consider a category of «power» is not so much traditional power key as a communicative, discourse – as a phenomenon arising out of communicating and involving the society to choose a certain political code of the alternatives proposed by the management group and resulting from their joint discourse. In this case, such tools of political communication as public criticism and alternative views on what is happening on the part of the public, the opposition helps to avoid violence and understand not only how power arises, but also why it loses its authority and the opposition strengthens. The basis for this analysis, we find in critical theory of the German marxists and, above all, the scientific representatives of the Frankfurt school H. Arendt and J. Habermas, in genetic structuralism P. Bourdieu in the theory of self-referential systems of N. Luhmann, in post-structuralism in M. Foucault et al. The reluctance of the authorities and the opposition to cooperate with each other in the form of constructive discourse is explained in particular by the «fundamentalism» in the thinking of both. The historical concept analysis of the Russian radical opposition shows that its ontogenesis is persistently reproduced every time a political (ideological) resource of the government is developed and society loses its perspective of development, when the government does not create itself and does not perceive alternatives from its opponents and prohibits public criticism.

Keywords: power; violence; opposition; discourse; fundamentalism; public criticism; alternatives in politics.

* **Timofeeva Lidiya**, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russia), e-mail: timofeeva-lidiya@inbox.ru

For citation: Timofeeva L.N. Public criticism as a prevention of violence in society. *Political science (RU)*. 2020, N 3, P. 114–146. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2020.03.06>

References

- Arendt H. *Vita Activa or: From active life*. Stuttgart: W. Kohlhammer, 1960, 375 p. (In Germ.)
- Arendt H. Communicative power. In: S. Lukes (ed). *Power*. Oxford: Blackwell, 1986, P. 59–74.
- Benda J. *The betrayal of intellectuals*. Boston: Beacon Press, 1955, 188 p.
- Bourdieu P. *Sociology of social space*. Moscow: Institute of experimental sociology; Saint Petersburg: Aleteia, 2007, 288 p. (In Russ.)
- Chiesa J.H. *Goodbye, Russia!* Moscow: Geya, 1998, 269 p. (In Russ.)
- de Custine A. *Nikolaevskaya Russia*. Moscow: Publishing center “Terra”, 1990, 285 p. (In Russ.)
- Dahl R. *Polyarchy: participation and opposition*. New Haven: Yale University Press, 1971, 257 p.
- Engels F. Letter to August Bebel in Berlin, 1–2 may 1891. In: Marx K., Engels F. *Op. 2 nd ed*. Vol. 38. Moscow: State publishing house of political literature, 1955–1981, P. 441–442. (In Russ.)
- Essays on parliamentary law. Abroad experience*. Moscow: IGPAN, 1993, 178 p. (In Russ.)
- Foucault M. Truth and power. In: Foucault M. *Power/knowledge: selected interviews and other writings, 1972–1977*. New York: Pantheon Books, 1980, p. 109–134.
- Foucault M. The subject and power. In: J. Scott (ed). *Power: critical concepts*. London: Routledge, 1994, Vol. 1, P. 218–233.
- Foucault M. *The will to truth: on the other side of knowledge, power and sexuality*. Moscow: Castal, 1996, 448 p. (In Russ.)
- Galtung J. *Peace: research – education – action: Essays in peace research*. Copenhagen: Christian Ejlers, 1975, Vol. 1, 404 p.
- Galtung J. *September 11, 2001: Diagnoz, prognosis, therapy (forming the second edition of «Searching for peace: the road to TRANSCEND»*. London: Pluto Press, 2002, 338 p.
- Hanfman Y.M. Recruiting period capital printing. In: *Freedom of the press with an updated system*. Saint Petersburg: Public benefit, 1912, P. 5–51. (In Russ.)
- Ilyin M.V., Melville A. Yu. The Power. *Polis. Political Studies*. 1997, P. 146–153. (In Russ.)
- Kornev V.V. Egoistic gene of ideology. *Ideas and ideals*. 2015. Vol. 2, N. 3 (25), P. 140–149. (In Russ.)
- Kornev V.V. *Egoistic meme of ideology*. Moscow: Canon+ROOI “Rehabilitation”, 2020, 264 p. (In Russ.)
- Luman N. *Power*. Moscow: Praxis, 2001, 256 p. (In Russ.)

- Mezhuev B.V. *Political criticism of Vadim Tsybursky*. Moscow: publishing house "Europe", 2012, 199 p. (In Russ.)
- North D.C. *Institutions, institutional change and economic performance*. Cambridge: Cambridge University Press, 1990, 152 p.
- Ostrom V. *The meaning of American federalism: constituting a self-governing society*. Moscow: "Arena", 1993, 320 p. (In Russ.)
- Sakharov A.D. *About the country and the world*. New York: Chronicle Publishing House, 1976, 79 p. (In Russ.)
- The reign of Nicholas II*. Leningrad: Publishing house: Publishing house of socio-economic literature, 1960, Vol: Witte S. Yu. Memoirs, 724 p. (In Russ.)
- The system of public administration in the UK*. Moscow: MFA of great Britain, 2002, 120 c. (In Russ.)
- Timofeeva L.N. *Alternative press as a phenomenon of qualitative changes in the political process of Russia (mid-80's-early 90's)*. Cand. Sci. Thesis. Moscow: Russian academy of public service, 1992, 224 p. (In Russ.)
- Timofeeva L.N. Power and opposition in Russia: features of relations (socio-historical aspect). *Sociology of Power*. 2005, N 1, p. 140–154. (In Russ.)
- Ulfkotte U. *Corrupt journalists. Any truth for your money*. Moscow: Eksmo, 2015, 476 p. (In Russ.)
- Vaissié S. *For your and our freedom! Dissident movement in Russia*. Moscow: New literary review, 2015, 576 p. (In Russ.)
- Walzer M. *The company of critics: social criticism and political commitment in the twentieth century*. Moscow: Idea-Press, House of intellectual books, 1999, 360 p. (In Russ.)
- Zasursky Ya.N. *Qualitative press in media structures*. Moscow: ICARUS Publishing house, 2015, 344 c. (In Russ.)